

Научная статья

УДК 82

DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-17-29

М. Горький в творческом сознании А. Платонова

Елена Николаевна Проскурина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация

Предметом этой статьи является восприятие творчества и личности М. Горького А. Платоновым. Методологической базой работы является мотивный анализ текстов обоих авторов, проделанный на фоне исследования историко-литературного контекста. В основу исследования легли поздние статьи Платонова «Первое свидание с А. М. Горьким» и «Пушкин и Горький», а также его лирико-философские поэмы в прозе, созданные в начале 1920-х гг. Как показал анализ, этот корпус ранних произведений отчетливо перекликается с ранней поэмой Горького «Человек». В ней ключевым мотивом, как и в поэмах Платонова, является мотив мысли. Однако, творчески разрабатывая основные положения поэмы Горького, Платонов не слепо следует однолинейной логике претекста, а осмысляет его в характерной для себя манере разновекторного движения мысли.

Ключевые слова

поэма Горького «Человек», лирико-философские поэмы А. Платонова, мотив, интертекст, исторический контекст

Для цитирования

Проскурина Е. Н. М. Горький в творческом сознании А. Платонова // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 2. С. 17–29. DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-17-29

M. Gorky in the Creative Mind of A. Platonov

Elena N. Proskurina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract

The subject of this article is the perception of creativity and personality of M. Gorky by A. Platonov. The methodological basis of the work is the motivic analysis of the texts of both authors, produced against the background of the study of the historical and literary context. The methodological basis of the work is the motivic analysis of the texts of both authors,

© Проскурина Е. Н., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2023. № 2. С. 17–29
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 2, pp. 17–29

carried out against the background of the study of the historical and literary context. The study is based on Platonov's later articles "The First Date with A. M. Gorky" and "Pushkin and Gorky", as well as his lyrical and philosophical poems in prose, created in the early 1920s. As analysis has shown, this corpus of early works clearly echoes Gorky's early poem "The Man". In it, the main motive, as in Platonov's poems, is the motive of thought. However, creatively developing the main provisions of Gorky's poem, Platonov does not blindly follow the unilinear logic of the pretext, but comprehends it in his characteristic manner of multi-vector movement of thought.

Keywords

Gorky's poem "The Man", lyrical and philosophical poems by A. Platonov, motive, intertext, historical context

For citation

Proskurina E. N. M. Gorky in the Creative Mind of A. Platonov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 2, pp. 17–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-17-29

Знакомство Горького с творчеством Платонова началось в 1927 г. с прочтения сборника «Епифанские шлюзы», который он широко рекомендовал своим корреспондентам: А. Н. Тихонову, Е. Д. Кусковой, С. Н. Сергееву-Ценскому, Ф. В. Гладкову и др. Среди «заметных фигур, возбуждающих хорошие надежды» Горьким было упомянуто имя Платонова и в письме к Р. Роллану (см.: [Малыгина, 2018, с. 91–93]). Как можно судить по очерку «Первое свидание с А. М. Горьким» [Платонов, 2011, с. 547–552], их единственная встреча произошла летом 1928 г., вскоре после приезда Горького в СССР, но и после его встречи с писателями, состоявшейся первого июня того же года, на которую Платонов не пошел. В письме к М. Кашинцевой, датированном июнем 1928 г., он так объяснил свой отказ: «С Горьким еще не встречался: не охота афишировать себя – особенно теперь, когда Малышкин и другие распускают про меня слухи... что я работал писателем еще до войны, что я "очень талантлив", но... и т. д. ... Если я сейчас двинусь к Горькому (что он меня сам пригласил, то никто не помнит), то на меня насплетничают черт знает чего. А я Горького не особенно люблю, – он печатает плохие статьи...» [Платонов, 2013, с. 255]. Трудно конкретно говорить, о каких именно статьях идет речь, но вряд ли о статье «О наших достижениях», опубликованной в газете «Известия» от 1 июля 1928 г., как предполагают авторы Комментария к письмам Платонова [Там же, с. 258]. Дата этой публикации не соотносится с датировкой платоновского письма, которое помечено июнем. Если же впечатление о «плохих» статьях Горького сложилось у Платонова ко времени встречи писателей, то речь должна идти о более ранних статьях, т. е. начиная с мая и ниже по календарю.

Однако вскоре Платонов наносит визит в Машков переулок, где поселился Горький после возвращения в СССР. Приходит, как признается позже, «по своим литературным делам» [Платонов, 2011, с. 547]. Возможно, ему хотелось выправить то, по его мнению, негативное впечатление, которое могло создаться о нем у Горького под влиянием писательских слухов. В итоге эта единственная личная встреча стирает в его сознании весь негатив, связанный с впечатлением от «плохих статей» Горького. В памяти всплывают картины детства, когда он видел «дешевые конфеты, завернутые в бумажки с изображением Максима Горького; под его изображением обычно была напечатана какая-либо фраза, лозунг из сочине-

ний писателя, например – “Пусть сильнее грянет буря!” – или что-то другое. Я всматривался тогда в лицо писателя на конфетной бумажке, читал его мысли и размышлял о нем» [Платонов, 2011, с. 547]. Под влиянием детских впечатлений образ Горького слился у Платонова с образом «идеального высшего человека», который память воскресила при встрече через много лет. Хотя есть в этом хвалебном тексте и мемориальный отзвук: статья предназначалась для альманаха «Год XX», посвященного памяти Горького (см.: [Платонов, 2011, с. 698]). Той же памятной теме посвящена и статья Платонова «Пушкин и Горький», в которой он представляет советского классика продолжателем пушкинской традиции, деликатно, немногословно, но при этом пронзительно намекая на «долгий, многолетний конфликт» в его душе, чем объясняет его «некоторые литературные неудачи, а иногда и политические ошибки»: «Горькому пришлось жить и действовать на шве двух принципиально отличных эпох, быть поэтическим предвестником эпохи коммунизма, душить врага, проникающего в сердце народа и в его собственную душу, и быть поэтому самому часто окровавленным. Иначе это была бы шуточная битва, а мы знаем, какие “шутники” наши противники» [Там же, с. 316]. В подтексте этого высказывания скрыта известная формула Горького «если враг не сдастся – его уничтожат». Статья под таким названием была опубликована 15 ноября 1930 г. сразу в двух центральных газетах: в «Правде» и в «Известиях» – в последнем случае в несколько измененном варианте: «Если враг не сдастся, – его истребляют». В том же 1930 г. вышли два издания: отдельная брошюра под названием «Если враг не сдастся – его уничтожат» и сборник публицистических статей Горького с тем же названием. Полностью фраза звучит так: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, – его истребляют» (Правда. 1930, 15 нояб.). Наверняка, вспомнилась Платонову и статья Горького «Литературные забавы», опубликованная в «Литературной газете» за 14 июня 1934 г. и широко растиражированная в номерах «Правды», «Известий», «Литературного Ленинграда» за то же число (см.: [Коростелев, Ефимов 2014, с. 510]), где указывалось, что некие анонимы «жалуются, что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин. Но в то время, как одни порицают хулигана, – другие восхищаются его даровитостью, “широтой натуры”, его “кондовой мужицкой силищей” и т. д. Но порицающие ничего не делают для того, чтоб обеззаразить свою среду от присутствия в ней хулигана, хотя ясно, что, если он действительно является заразным началом, его следует как-то изолировать. А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтоб перевоспитать его. Вывод отсюда ясен: и те и другие одинаково социально пассивны, и те и другие по существу своему равнодушно “взирают” на порчу литературных нравов, на отравление молодёжи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние “короче воробьиного носа”» [Горький, 1934]. Далее в той же жесткой риторике, граничащей с политическим доносом, Горький пишет: «Несомненно чуждые влияния на самую талантливую часть литературной молодёжи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молоды-

ми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюбленности, и поведение Смелякова всё менее и менее становится комсомольским» [Горький, 1934]. В контексте широко известной формулы Горького его статья становится равнозначной приговору. Думается, что она во многом послужила тому, что в январе 1935 г. П. Васильев был исключен из Союза писателей, а в июле арестован как «злостный хулиган» после майского «Письма в редакцию» газеты «Правда», подписанного творческими именами, среди которых были друзья поэта: Борис Корнилов, Иосиф Уткин, Семён Кирсанов, Николай Асеев¹, по-видимому, поспешившие после статьи Горького «отмежеваться» от попавшего в опалу П. Васильева². Письмо подхватывает аргументацию Горького:

В течение последних лет в литературной жизни Москвы почти все случаи проявления аморально-богемских или политически-реакционных выступлений и поступков были связаны с именем поэта Павла Васильева...

Последние факты особенно разительны. Павел Васильев устроил отвратительный дебош в писательском доме по проезду Художественного театра, где он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками и угрозами расправы по адресу Асеева и других советских поэтов. Этот факт подтверждает, что Васильев уже давно прошёл расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма...

Мы считаем, что необходимо принять решительные меры против хулигана Васильева, показав тем самым, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство фашистского пошиба ни для кого не сойдёт безнаказанным... (Правда. 1935. 24 мая).

Несомненно, Платонову была известна трагическая судьба П. Васильева, с которым он был знаком, а также арест Яр. Смелякова, по времени совпавший со статьей Горького.

Но все это будет позже. А летом 1928 г. благоговейное отношение Платонова к Горькому подпитывалось надеждой на его авторитет в сложной истории публикации собственных произведений. Однако отчаянные попытки Платонова найти поддержку у Горького ожидаемого результата не возымели. Это кажется нелогичным после многократных горьковских рекомендаций писателям обратить внимание на Платонова как на «возбуждающего хорошие надежды» автора. В объемном томе платоновских писем переписка с Горьким составляет всего четырнадцать посланий. При этом руке Горького принадлежат только четыре письма: два касаются романа «Чевенгур», одно – пьесы «Высокое напряжение» и одно – рассказа «Мусорный ветер». Другие письма Платонова отклика не получили (одно, как предполагают составители тома писем, осталось неотправленным). Впрочем, возможно, не все его письма доходили до Горького, проходя через руки П. Крючкова, сотрудничавшего с НКВД и ведшего тайную слежку за писателем, будучи его секретарем. На наш взгляд, при более внимательном знакомстве Горького с произведениями Платонова он оказался слишком загадочной фигурой, с неопреде-

¹ См.: Антонов В. «Про меня ж, бедового, спойте вы...» URL: <http://www.vilavi.ru/sud/171009/171009.shtml> (дата обращения 14.12.2016).

² Б. Корнилова письмо, однако, не спасло от ареста и расстрела в 1938 г.

ленной идеологической позицией, сродной с «анархическим умонастроением», непривычной языковой поэтикой, что и послужило причиной «отмежевания» советского классика от писателя-одиночки, который к тому же сам публично определил себя обладателем собственного художественного метода в анкете журнала «На литературном посту». Хотя не исключено косвенное участие Горького в творческой судьбе Платонова. Так, он мог поспособствовать включению Платонова в группу писателей, командированных в Среднюю Азию. Итогом этой поездки стал рассказ «Такыр».

В воспоминаниях Платонова о встрече с Горьким для нас важна фраза «Я всматривался тогда в лицо писателя на конфетной бумажке, читал его мысли и размышлял о нем». На наш взгляд, погружение юного Платонова в мысли Горького отразилось в его раннем творчестве, прежде всего в лирико-философских поэмах в прозе: «Поэма мысли», «В звездной пустыне», «Невозможное», «Жажда Нищего», «Заметки», созданных в 1921 г. Максима «пусть сильнее грянет буря» слышна в юном бунтарстве Платонова – как в поэзии, так и в ранней прозе. О том, что в этот период творчество Горького было в поле сознания молодого автора, свидетельствует, в частности, его статья «Горький и его “На дне”», опубликованная в ноябре 1921 г. Корпус же названных лирико-философских произведений во многом навеян ранней горьковской поэмой в прозе «Человек» (1903), где ключевым является мотив мысли. В утверждении значимости мысли как «величавой силы», ведущей человека «вперед и выше» [Горький, 1970, с. 35], позиция молодого Горького совпадает с позицией юного Платонова, о чем можно судить по названию его собственного сочинения – «Поэма мысли». Схожи также возвышенные эмоциональные состояния обоих авторов в период создания своих поэм в прозе, отразившиеся не только на соответствующей стилистической окраске произведений, но и на пафосной интонации писем, в которых речь идет о работе над поэмами. Показательна схожесть и эпистолярной ситуации: в обоих случаях адресатами посланий стали любимые женщины писателей. Так, Горький на раннем этапе работы над текстом делится сокровенными чаяниями в письме М. Ф. Андреевой: «Вот Вам моя песня. В ней за громкими и грубыми словами скрыта великая мечта моей души, единственная моя вера, она-то именно давала и дает мне силу жить... Мною много было испытано. Часто Смерть смотрела в очи мне и дышала в лицо мое холодом и хотела убить сердце мое ледяным дыханием ужаса – но и Смерть не убила мечты моей. <...> но и острая сила сомнения не разрушила эту мечту мою, ибо с ней родилось мое сердце» [Там же, с. 462]. Платонов в процессе работы над поэмами пишет М. Кашинцевой: «Поэмы – мое проклятие, мой бой со смертью. К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет. А для меня сейчас нет никаких выходов. Кругом спертый воздух и смрад. Когда я кончаю поэмы – во мне покой, ясность, тишина и ласковая усмешка над бывшим, над тем, что я хотел непременно...» [Платонов, 2013, с. 103]. Знаменательны мотивные пересечения обоих писем, где главными элементами являются мотивы преодоления смрада жизни и ужаса смерти.

Что касается отношения к поэме Горького среди писателей-современников, то оно оказалось отнюдь не однозначным. Во многом это связано с дидактическим, «учительным» проведением главной идеи произведения об идеальном Человеке, вооруженном «только силой Мысли»: «...идет свободный, гордый Человек далёко впереди людей и выше жизни, один – среди загадок бытия...» [Горький, 1970,

с. 35–36]. В этом образе справедливо увидели сходство с ницшеанским сверхчеловеком, в связи с чем определился основной упрек автору поэмы, связанный с угнетенной позицией чувства по отношению к мысли в его философской концепции. Так, например, в рецензии на поэму В. Г. Короленко пишет о том, что подлинный человек не противопоставит человеку и человечеству, а состоит «из порывов мысли, из кипения чувства, из миллиардов стремлений, сливающихся в безграничный океан и создающих в *совокупности* представление о величии все совершенствующейся человеческой природы» (курсив автора. – *Е. П.*) [Там же, с. 405.]. Эта позиция в своей основе выражает общее противоречивое отношение к творению Горького³, полемика вокруг которого продолжалась и в 1910-е гг., приняв формы открытой критики в поэзии таких авторов, как, например, А. Оленич-Гнененко, Вс. Иванов. Так, А. Оленич-Гнененко в «Трех сонетах», объединенных общим заглавием «Человек», иронизирует над центральным образом горьковской поэмы:

Любимый сын земли, среди могучих – первый,
Я прочь изгнал богов и в храмы их проник.
И вот теперь меня грызут больные нервы,
И смертью мне грозит ничтожнейший сквозник.
Хозяин всех богатств – образчик прозябанья,
Отринувший богов – трусливый суевер,
Вершина красоты, омега мирозданья,
Я сгорблен, как старик, безжизнен, худ и сер.
И служат мне, царю, торжественным дворцом
Приюты для калек и сумасшедший дом
(Сибирские записки, 1916, с. 2).

В близкой риторике создает свое стихотворение «Человек» Вс. Иванов:

Бледные лица,
Бледные лица калек.
Мысль – блудница
В чаду утех.
О, человек!
Одна многотысячная рука,
Один свистящий зев.
Не потому ль, что ты так жаден –
Так жалок.
И эта рука – не победителя.
А нищего?..
[Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 55]⁴.

В отличие от сложившейся критической позиции к поэме Горького, раннему Платонову ее центральная идея мысли как двигателя жизни на пути преодоления хаоса и смерти, «к победам над всеми тайнами земли и неба» [Горький, 1970, с. 35] была чрезвычайно близка. Постижение Тайны на пути к Истине – ведущий

³ Подробно восприятие поэмы «Человек» среди современников Горького представлено в комментариях: [Горький, 1970, с. 460–472].

⁴ Подробно отношение к поэме «Человек» в творчестве Вс. Иванова проанализировано в: [Папкина, 2022, с. 43–47].

мотив его ранних фантастических утопий, в круг которых входят и поэмы в прозе. Однако основные тезисы Горького в платоновских поэмах развиваются в нелинейных проекциях, т. е. по-своему отражают его собственное противоречивое отношение к поэме «Человек». Так, появляющееся в последних строках зачина рассказа «В звездной пустыне» близкое горьковскому положение «Мысль не знает страдания и радости» [Платонов, 2004, с. 176], т. е. проявлена в своей безэмоциональности как чистая мысль, опровергается началом произведения, где ведущими мотивами являются сердце, душа, радость, надежда – те, что входят в сферу чувственного постижения мира:

День и ночь и всю вечность плывут и плывут над землей облака. Дома, под крышей мастерской, везде, где неба не видно, мы знаем, что есть облака.

Если небо просторно, пустынно, и солнце от зноя стоит, в нашем сердце идут облака. Их шорох, как тихая вечная музыка, которая гонит надежду. И не знаешь, что лучше, этот тоскующий шелест или пустынная радость, когда нечего больше желать. Путь облаков тих, как дыхание, как неспетая, несложная песня, слова которой втайне знаешь.

Облака, звезды и солнце идут в одну сторону. В этой безумной и короткой неутомимости, в этом беге в бесконечность есть тоска, есть невозможность, и от нее рвется душа» [Там же].

В поэме Горького также есть чувственная компонента. Однако мотивы сердца, горячей крови являются характеристиками гордого Человека-одиночки. А категории Любви, Надежды, Дружбы, Веры становятся остаточными признаками, свидетельствующими пока еще о слабости его творческого духа, и попадают в разряд отживших истин, идущих «сзади Мысли, не поспевая за ее полетом» [Горький, 1970, с. 36].

Одновременно с этим в образе «мятежного» гордого Человека зыблется тяга к гармонии с миром – черта, которая в героях Платонова разовьется до горячей жажды единства с миром и человечеством. Разлученность с мирозданием воспринимается ими как онтологическая драма: «Звезды идут и идут, а мы не с ними, и они нас не знают» («В звездной пустыне») [Платонов, 2004, с. 176]. Более развернуто та же мысль выражена в заметке «В полях»: «Все мертво и тихо. Все – далеко. Если взглядишься в звезду, то ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки – так далека, далека эта звезда... мне кажется, что я лечу, и только светится недостижимое дно колодца, и стены пропасти не движутся от полета» [Там же, с. 184]. Варьирует это высказывание признание «лучшего друга» героя в «Невозможном»: «Вот понимаешь... не могу переносить света просто, не могу видеть ночью звезды, – такая тоска и истома поднимается в душе, как будто что-то дорогое утрачено невосвратно» [Там же, с. 191]. Проходящий рефреном сквозь тексты поэм мотив разлученности человека и космоса становится выражением мировоззренческой максимы писателя.

Горьковскому Человеку-одиночке противопоставлен у Платонова человек как часть Массы, «нового вселенского существа», которое пропитано ненавистью к отживающему свой век миру и готово к восстанию на него, «чтобы разбрызгать... звезды и освободиться. В ее (Массе) бездне-душе всегда музыка, всегда песнь освобождения и жажды бессмертия и невероятной мощи» [Там же, с. 178]. Здесь образу Массы приданы сверхчеловеческие черты. В сочетании с мотивом ненависти к миру, довольствующемуся тем, что есть, т. е. находящемуся в энтро-

пийном состоянии, этот фрагмент вызывает аллюзии на многочисленные лирические высказывания горьковского я-повествователя, готового весь несовершенный мир «сместить в могилу прошлого» [Горький, 1970, с. 40]. Есть в поэме «Человек» и мотив восстания на вселенную, активно зазвучавший в литературе начала XX в.: «Я – в будущем – пожар во всей вселенной. И призван я, чтоб осветить весь мир, расплавить тьму его загадок тайных...» [Там же]. В раннем творчестве Платонова этот мотив приобрел сюжетное развитие⁵.

Приведенные примеры наглядно показывают плотность присутствия горьковских мотивов в поэмах Платонова. Главное же отличие творческого мировоззрения двух авторов можно определить в «температурных» параметрах: холодно-отстраненной дидактической риторике я-повествователя Горького, не меняющейся даже тогда, когда речь идет о его желании облагодетельствовать человечество («Бессмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь, уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом, и дарами духа!.. Да будут прокляты все предрассудки, предубеждения и привычки, опутавшие мозг и жизнь людей, подобно липкой паутине. Они мешают жить, насилая людей, – я их разрушу!» [Там же, с. 41]), и теплой, осердеченной мысли героев Платонова – плакальчиков о конкретных человеческих судьбах, включая те фрагменты текста, где раскрывается причина их ненависти к существующему миру и готовности «восстать» на него:

Сейчас, в эту минуту, по всем слободам, окружающим город, на полу, на нарах, по сенцам спят грязные, замученные, голодные люди. Это черная масса мастеровых, людей с чугунными мышцами и с хрустальной ясностью сознания.

Днем они шевелятся у станков и моторов. Ночью спят без снов и почти без дыхания, со смертной усталостью.

Чагов чувствовал, что он – это они, спящие сейчас, как трупы. Они недовольны миром. Для них мир – не загадка, а куча железного лома, из которого надо сделать двигатель. Этот двигатель увезет нас всех отсюда, из этой тоскливой пустыни, где смерть и труд и так мало музыки и мысли [Платонов, 2004, с. 177].

Можно сказать, что Платонов в своих произведениях, творчески разрабатывая основные положения поэмы Горького, не слепо следует логике претекста, а осмысливает его в характерной для себя манере разновекторного движения мысли. Примером одного из вариантов таких разработок может служить сюжет рассказа «Жажда Нищего», где ведущим мотивом является мотив роста человеческого сознания. В начале текста картина нового, совершенного мира представлена в утопических красках «века познания и света сияющей науки». Но вслед за этим «царствование» сознания воплощено в образе бездушного Большого Одного – нового человечества, завершившего восстание на вселенную и самоорганизовавшегося в форму «одной цельной точной математической фигуры» [Там же, с. 166]. В поэме Горького сознание человека показано лишь в процессе роста, оно еще «подобно искре»; Платонов в своей поэме показывает этапы роста сознания и его итог в образе двух персонажей. Кроме Большого Одного, это герой по име-

⁵ В разных проекциях сюжет восстания на вселенную проявился, например, в творчестве таких авторов, как В. Хлебников («восстанием Природы»), В. Маяковского («восстанием Вещей»), Н. Заболоцкого («восстанием Животных»). Его место в раннем творчестве Платонова подробно проанализировано в работе Н. П. Хрящевой [1998, с. 66–124].

ни Электрон, в котором в ходе восстания на вселенную и формирования «царства сознания» не осталось никаких человеческих чувств: «Сам Электрон был слеп и нем – только думал. От думы же он и стал уродом» [Платонов, 2004, с. 168]. Столь же уродливы и насельники этого нового мира: «У людей разрослась голова, а все тело стало похоже на былиночку и отмирало по частям за ненужностью» [Там же]. Но и сам мир превратился в стерильное пространство повелевающих им машин: «На земле не было ни лесов, ни травы и перестали кричать звери. Одни машины выли всегда, и блестели глаза электричества» [Там же].

Все картины будущего показаны в рассказе через восприятие героя-простеца. Проводя его через цепочку видений, автор продвигает его к выбору в пользу естественного мира, с его «громами и водопадами», «сладкой теплотой и потом». В этом эпизоде вновь мерцает отзвук горьковского текста, в котором герой как «непримиримый враг позорной нищеты людских желаний» [Горький, 1970, с. 41] выражает собственное стремление сделать Человеком каждого из людей. «Громы и водопады», «сладкая теплота и пот» – те самые людские желания, которые в соответствии с логикой героя Горького могут быть отнесены к разряду «позорной нищеты». Но именно они оказываются главной ценностью для персонажа Платонова со знаковым именем Нищий, в чем брезжит полемическая параллель с героем поэмы «Человек»⁶:

Я понял, что я больше Большого Одного; он уже все узнал, дошел до конца, до покоя, он полон, а я нищий в этом мире нищих, самый тихий и простой <...> Нет ничего такого большого, что бы уменьшило мое ничтожество, и я оттого больше всех. Во мне все человечество со всем своим грядущим и вся вселенная с своими тайнами, с Большим Одним.

И все это капля для моей жажды [Платонов, 2004, с. 171].

Таким образом, уже в первой из своих поэм в прозе Платонов развеивает те философско-романтические иллюзии, которыми полна поэма Горького, а также свои собственные, возникающие как в статьях, так и в следующих за «Жаждой Нищего» поэмах, словно каждый раз по-новому художественно экспериментируя с одной из своих ключевых идей: достижения «царства сознания».

Еще одно направление полемики с претекстом заключается в незыблемости категорий Любви, Надежды в ценностной системе Платонова и героев его поэм. Наиболее отчетливо это представлено в рассказе «Невозможное», где одним из двух центральных персонажей выведен герой сверхчеловеческого типа. Однако его образ тяготеет не к ницшеанской традиции, как у Горького, а к евангельской: «Его кровная связь с миром была могущественна как ни у кого, и мир говорил ему о себе все... Он был рожден в самом центре, в самом тугом узле вселенной и видел невольно и без усилий поддонный, скрытый и истинный образ мира. Все ему было открыто, все тайные глухие двери распахнуты, как для любимого сына... <...> И своим исчезновением, своей смертью он доказал всем, что есть иная вселенная. И по ее дороге должны пойти все люди» [Там же, с. 191, 193]. Подобно герою поэмы Горького, герой Платонова выделен из среды «мертвого человечества» как герой-одиночка. Однако его основными характеристиками выведены не столько те, что относятся к сфере мысли, сколько те, что представляют мир души: «И вот родился раз человек, радостный, простой и совсем родной земле,

⁶ О других семантических гранях имени героя см.: [Проскурина, Борисова, 2019].

без конца влюбленный в звезды, в утренние облака и в человека; влюбленный не мыслью, а кровью. Раз мы стояли с ним в поле ранним утром. На востоке в нежном невыразимом свете горела одна пышная последняя голубая звезда, и на нее неслись и неслись без ветра, в великой утренней тишине, неуловимые, почти несуществующие облака... Мы стояли очарованные и почти плакали от восторга» [Платонов, 2004, с. 190]. Мысль в платоновском герое – естественное проявление его природы: «Ничему почти не учившись, он обо всем догадывался и все знал» [Там же, с. 191]. Поэтому и теоретические идеи приходят к нему не как результат сложной мыслительной деятельности, а подобно озарению. Главная же его драма, приведшая к смерти, состоит в охватившем его чувстве любви к героине – любви такого уровня напряжения, которой не выдерживает его человеческое сердце. Однако своей смертью он зарождает надежду в я-повествователе на возможность такой «невозможной» любви для обновленного человечества.

Свой несоборанный цикл поэм Платонов завершает «Заметками», где, на наш взгляд, по-своему воплощает нереализованный двухчастный замысел поэмы «Человек»: первоначальное ее название было «О Человеке и мещанине». «Продолжать я буду – о мещанине, который идет – в отдалении – за Человеком и воздвигает сзади его всякую мерзость, которой потом присваивает имя всяческих законов и т. д.», – объяснял свою творческую идею Горький в письме к К. П. Пятницкому [Горький, 1970, с. 464]. Трудно однозначно утверждать, что этот замысел был известен Платонову. Впервые набросок ко второй части под названием «Мещанин» был опубликован лишь в 1940 г. (см.: [Горький, 1940]). Вероятнее всего, соответствие логике горьковского замысла в двухчастной структуре «Заметок», построенных по принципу контрапункта, – плод творческой интуиции писателя. Если первая часть отмечена чувством умиления героя ко всему живому, то вторая соответствует тому компоненту замысла Горького, в котором речь идет о «всякой» мещанской «мерзости». А присваивание этой «мерзости» «всяческих законов» позднее сюжетно воплощено Платоновым в ряде его сатирических произведений, где мещанство вырождается в бюрократизм: «Город Градов», «Усомнившийся Макар», «Шарманка» и др.

Лирический сюжет первой заметки – «В полях» – строится вокруг темы любви. Взор героя-путника скользит от картины звездного ночного неба к земле, с ее полями, оврагами, деревнями, которые не менее чудесны для него, чем завораживающий небесный ландшафт. Виднеющиеся деревенские избы вызывают в его душе цепочку воспоминаний: о родном доме, одиноком страннике, когда-то прошедшем мимо, о любимой девушке. Однако его романтический взгляд на мир оказывается иллюзорным при столкновении с реальным деревенским бытом, чему посвящена вторая часть под названием «Бог человека». Здесь идиллическая обстановка сменяется едкими саркастическими характеристиками, гротескным обыгрыванием телесного низа («пуза»), который представлен единственным «богом человека», направляющим его жизнь: «Самый старый и настоящий бог на свете – пузо, а не subtilный небесный дух. В водвороте и гуденье кишок – великая тайна, в рычании газов слышатся святые песнопения и некое благоухание и тихое умиротворение...» [Платонов, 2004, с. 185]. Далее автором в натуралистических красках представлена ничтожность, темнота деревенского существования, которого веяния новой жизни коснулись лишь появлением электрической лампочки, воспринимаемой как чудо: «На одном окне я заметил наклейку... “Вот

тут, апосля вечернего благовестия, в Брехунах, за одну картошку кажный сможет узреть весьма антиресную лампаду – стоячий липистрической огонь, свет святой, но неестественный можно сказать, пламя. Руками его щупать будет смертоубийство» [Платонов, 2004, с. 185]. Мизерность жизненных запросов показана автором в финальном фрагменте читаемой я-повествователем «наклейки»: «А в самом низу было экономически причерчено: “А на Покров Феклуша Мымриха пойдет телешом, и снимет капоты для удовольствия, и покажет живое тело за одно денное прокормление...”» [Там же, с. 186].

Едкий сарказм второй части «Заметок», встраивающийся в реминисцентное поле горьковского «Мещанина», смешивается у Платонова со жгучей самоиронией, связанной с его юношескими надеждами на скорое преображение мира и человечества, что составило комплекс ведущих мотивов его поэм в прозе (подробно см.: [Проскурина, 2022])⁷.

Подводя некоторые итоги исследования, можно заключить, что художественная мысль Платонова, запечатленная в его поэмах в прозе, оказывается сложнее и многограннее одномерной мысли поэмы Горького «Человек». Это свойство становится своеобразным творческим удостоверением тех упреков, которые выдвигали ему писатели-современники. Вместе с тем в диалоге с Горьким Платонов остается верен собственному эстетическому принципу скрытых, подтекстных пересечений⁸. В своих художественных произведениях он избегает прямых отсылок к претекстам, однако их вероятность преобразуется в реальность в процессе сопоставительного мотивного анализа текстов, предпринимаемого на фоне исследования историко-литературного контекста. Такая аналитическая попытка предпринята в данной работе, где нами использован прием восхождения от более позднего периода творчества Платонова к раннему с обозначением всех главных пересечений с личностью и творчеством Горького.

Список литературы

- Брагина Н. Н. «Заметки» А. Платонова как отражение краха романтического сознания // Изв. ВГПУ: Филологические науки. 2008. № 10 (34). С. 189–192.
- Горький М. Литературные забавы // Литературная газета. 1934. 14 июня.
- Горький М. Мещанин // Горьковские чтения 1938 и 1939 гг. М.; Л., 1940. С. 42–43.
- Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. 581 с.
- Коростелев О., Ефимов М. Примечания // Мирский Д. (Дмитрий Петрович Святополк-Мирский). О литературе и искусстве. Статьи и рецензии. 1922–1937. М.: НЛЮ, 2014. С. 372–572.
- Малыгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.
- Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

⁷ Анализу «Заметок» Платонова посвящены работы: [Брагина, 2008; Проскурина, 2022a].

⁸ Этот принцип нами подробно исследован на примере диалога Платонова с Гёте, куда вошли и другие межтекстовые параллели. См.: [Проскурина, 2015].

- Папкова Е. А. Творчество Всеволода Иванова 1910–1920-х гг.: текстология, биография, контексты: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 531 с.
- Платонов А. Сочинения. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. 644 с.
- Платонов А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Время, 2011. Т. 8. 720 с.
- Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма [1920–1950 гг.]. М.: Астрель, 2013. 685 с.
- Проскурина Е. Н. Фаустиана Андрея Платонова. М.: Новый Хронограф, 2015. 352 с.
- Проскурина Е. Н. Мотивика ранних лирико-философских рассказов А. Платонова // Критика и семиотика, 2022. № 1. С. 349–365. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-349-365
- Проскурина Е. Н. Созерцатель vs разочарованный странник: двоящийся персонаж в «Заметках» А. Платонова // Сибирский филологический форум. 2022а. № 3. С. 32–42.
- Проскурина Е. Н., Борисова А. Б. Особенности утопического сознания А. Платонова в рассказе «Жажда Нищего»: жанр, сюжет, герой // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 22–30.
- Хрящева Н. П. «Кипящая вселенная» Андрея Платонова: Динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1998. 323 с.

References

- Bragina N. N. “Zametki” A. Platonova kak otrazheniye krakha romanticheskogo soznaniya [“Notes” by A. Platonov as a reflection of the collapse of the romantic consciousness]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. universiteta [Bulletin of the Volgograd State. Ped. University]*, 2008, no. 10 (34), pp. 189–192. (in Russ.)
- Gorky M. Literaturnye zabavy [Literary amusements]. *Literaturnaya gazeta*, 1934, June 14. (in Russ.)
- Gorky M. Meshchanin [Meshchanin]. In: *Gor’kovskie chteniya 1938 i 1939 gg. Moscow, Leningrad, 1940*, pp. 42–43. (in Russ.)
- Gorky M. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]: In 25 vols. Moscow, Nauka, 1970, vol. 6, 581 p. (in Russ.)
- Khryashcheva N. P. “Kipyashchaya vseennaya” Andrey Platonova: Dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov [“The Boiling Universe” by Andrey Platonov: The Dynamics of Image Creation and World Comprehension in the Works of the 1920s]. *Ekaterinburg, Ural State. Ped. Uni., Sterlitamak, Sterlitamak State. Ped. Institute, 1998*, 323 p. (in Russ.)
- Korostev O., Efimov M. Primechaniya [Notes]. In: *Mirskii D. (Dmitrii Petrovich Svyatopolk-Mirskii). O literature i iskusstve. Stat’i i retsenzii. 1922–1937 [About literature and art. Articles and reviews. 1922–1937]. Moscow, NLO, 2014*, pp. 372–572. (in Russ.)
- Malygina N. M. Andrei Platonov i literaturnaya Moskva [Andrey Platonov and Literary Moscow]. *Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018*, 592 p. (in Russ.)

Проскурина Е. Н. М. Горький в творческом сознании А. Платонова

Neizvestnyi Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of biography and creativity]. Moscow, IMLI RAN, 2010, 784 p. (in Russ.)

Papkova E. A. Tvorchestvo Vsevoloda Ivanova 1910–1920-kh gg.: tekstologiya, biografiya, konteksty [The work of Vsevolod Ivanov in the 1910s–1920s: textual criticism, biography, contexts]. Diss. for the Dr. of Philol. Sci. Moscow, 2022, 531 p. (in Russ.)

Platonov A. Sochineniya. Nauchnoye izdaniye [Works. Scientific publication]. Moscow, IMLI RAN, 2004, vol. 1, book 1, 644 p. (in Russ.)

Platonov A. Sobranie sochinenii [Collected works]: In 8 vols. Moscow, Vremya, 2011, vol. 8, 720 p. (in Russ.)

Platonov A. P. “...ya prozhil zhizn’”. Pis’ma [1920–1950 gg.] [“... I have lived a life”. Letters [1920–1950]]. Moscow, Astrel’, 2013, 685 p. (in Russ.)

Proskurina E. N. Faustiana Andreya Platonova [Faustian of Andrey Platonov]. Moscow, Novii Chronograph, 2015, 352 p. (in Russ.)

Proskurina E. N. Motive of Early Lyric and Philosophical Stories by A. Platonov. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 349–365. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-349-365

Proskurina E. N. *Sozertsatel’ vs razocharovannyi strannik: dvoyashchiisya personazh v “Zametkakh” A. Platonova* [Contemplator vs Frustrated Wanderer: Double Faced Character in “Notes” by A. Platonov]. *Siberian Philological Forum*, 2022a, no. 2, pp. 32–42. (in Russ.)

Proskurina E. N., Borisova A. B. Osobennosti utopicheskogo soznaniya A. Platonova v rasskaze “Zhazhda Nishchego”: zhanr, syuzhet, geroi [A Platonov’s utopic consciousness specifics in the story “Thirst of the beggar”: genre, plot, hero]. *Ural’skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2019, no. 2., pp. 22–30. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Elena N. Proskurina, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher of the Section of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 09.12.2022;
одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 12.02.2023
The article was submitted on 09.12.2022;
approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 12.02.2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2023. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 2